

Н. Т. Абрамова

Открытый характер знания: опыт и умения, поиски дентичности

В современной философии и методологии науки продолжают обсуждать идею об альтернативных моделях рациональности, о «границах рациональности». Выбор тех или иных критериев рациональности — инструментальных, функциональных, нормативных и др. связан с поисками адекватных средств исследования. Можно согласиться с Рорти, когда он говорит, что рациональность — это соглашение, к которому люди приходят относительно целей и средств их достижения.

Основанием для выдвигания моделей рациональности у разных авторов послужили самые разные идеи, каждая из которых несла отпечаток соответствующих авторских предпочтений. Укажем лишь на некоторые из идей, которые послужили основаниями для выделения ряда типов моделей рациональности. В их числе: идея «натурализации эпистемологии» (Куайн); идея науки как единства рациональности и демократии (Поппер); идея критики «критического рационализма» (Кун); идея компромисса между теорией научной рациональности и историей науки (Лакатос); идея анархического рационализма (Фейерабенд); идея умеренной теории научной рациональности (Смит); идея конвергентной теории научной рациональности (Патнем); идея коммуникативной рациональности (Хабермас), идея «закрытой и открытой рациональности» (Швырев) и др.¹

Среди ряда идей, которые получили развитие в концепции В.С. Швырева о разных типах рациональности, я далее сосредоточу внимание на мысли о расширении познавательных возможностей человека при переходе от «закрытой» к «открытой» рациональности. Высоко оценивая эвристичность идеи В.С. Швырева о данном пути

расширения границ познания, свою задачу я вижу в том, чтобы показать возможность и другой линии усиления и расширения познавательных способностей человека. Среди иных способов достижения данной цели существенным может оказаться, с одной стороны, несловесный опыт трансляции знаний и прежде всего те навыки, которые составляют стержень практического интеллекта; а с другой, нормативной идеологии может быть противопоставлена иная модель генерализации, связанная с поисками единого смыслового пространства.

Рациональность в зеркале выбора

Акт выбора критериев рациональности, способы выдвижения обоснования тех или иных критериев во многом зависят от складывающихся предпочтений. Иллюстрацией сказанного может послужить, в частности, изменение ценностного взгляда на индуктивистскую познавательную модель в разные историко-культурные периоды. Интерес к данной модели носил волнообразный характер, обретая свои пики и угасание: будучи некогда «продвинутой», ее оценка сошла затем до уровня «неадекватной». Кардинальная перемена взгляда на одну и ту же познавательную модель произошла после того, как центр исследовательского внимания переместился на другой предмет — на субъективные мотивы познавательной деятельности.

Сложившийся — в реальных конкретно-исторических обстоятельствах — интерес к феномену активности познающего субъекта по существу и привел к радикальной познавательной переориентации. Данное обстоятельство и послужило истоком для суждений о «неадекватности» индуктивистской модели. «Ценностный вес» (куда склоняется сердце) стали теперь напрямую связывать с другой группой факторов, с тем, в какой мере модель способна или неспособна репрезентировать активность познающего субъекта.

Другими словами, складывающиеся предпочтения (куда склоняется сердце) предопределяются не одним только субстанциальными качествами самого предмета, но и вырастают из конкретных историко-познавательных обстоятельств. Приоритеты рождаются, таким образом, «здесь» и «сейчас», и их происхождение носит в значительной мере субъективный характер. Оговоримся сразу, что субъективность надо понимать в широком смысле.

В сердечном ходе мысли можно увидеть проявление власти «модального модуса», или сферы необходимого (желательного): система деонтических норм предписывает, что позволено, а что запрещено.

Среди главных критериев практической, живой жизни практически не остается места для «строгих правил». В случае же, когда человек отдается во власть своих чувствований, своего воления («страсти души» по Декарту), все интенции, исходящие от разума, как бы отодвигаются на второй план.

Процедура выбора состоит в том, что субъект помещает предмет (*втягивает*) в некое поле — в сложившуюся систему предпочтений. Это поле является по существу аксиологическим. Заметим, что до процедуры «втягивания» предмет (сам по себе) был аксиологически нейтрален. Попав в поле, — стал аксиологически нагруженным. Таким образом, смысловая составляющая аксиологического утверждения, исходящая от субъекта оценки, оказывается значительной.

С какой же целью формируется аксиологическое поле? Прежде всего для «*взвешивания*», для обоснования соответствующих «плюсов» или «минусов», имеющихся у искомого предмета (или какого-то его признака, свойства, черты и т.д.). Этой процедурой достигается маркировка, присвоение предмету *аксиологического знака* — «лучше» (хуже, выше, ниже и т.д.). Назначение знака напрямую связано с определением *ценностного веса*. В итоговой ценностной картине выстраиваются как «достоинства», так и «изъяны» предмета. Тот или иной знак появляется в результате пересечения ряда альтернатив и предпочтения одной из них. Знак является венцом аксиологического утверждения. Общеоценочный компаратив «лучше», служит и знаком выбора, и заключает в себе обобщенный мотив действия, связанный с реализацией выбора.

Типологию рациональности В.С. Швырев строит в соответствии с ценностной посылкой о «достоинствах» открытой рациональности и «недостатках» закрытой рациональности как определенных способах постижения реальности. К «закрытому» типу относятся все те познавательные процессы, которые протекают в пределах соответствующих «границ». Нормативное мышление с его априорно заданными смыслами и предпосылками страдает, по словам автора, «узостью» горизонта постижения реальности — отсутствием глубины познания. Будучи репродуктивным данный тип познавательной деятельности, по мысли автора, не обеспечивает возможности развития познавательных возможностей человека.

Открытая рациональность, напротив, «расширяет» познавательные возможности, обеспечивает более широкий горизонт познания. Сама идея «расширения» обосновывается с помощью представлений о радикальной критической рефлексии над любыми парадигмами, картинками, схемами и пр.².

Представления об «узости» и «горизонте» покоятся, на мой взгляд, на мысли о *ценностном весе* разных способов обоснования реальности: большим ценностным весом обладают, по мнению автора, познавательные стратегии, которые не ограничены жесткими нормативными рамками. Существенно, что ценностное сравнение альтернатив является по сути практическим рассуждением. Целью последнего, о чем более подробно мы будем говорить в следующем разделе статьи, служит для принятия решения о том, чему следует отдавать предпочтение с тем, чтобы сделать последующий выбор. В соответствии с выдвинутыми требованиями, идея «открытой рациональности» отдается безоговорочное *предпочтение*.

Линии расширения познавательных способностей: телесность

Современное методологическое сознание все чаще стало указывать на ощутимость «границ» разума при решении целого ряда проблем. Критика рационалистически-ориентированной парадигмы выражается в переориентации и в переходе к иной системе познавательных ценностей, ориентированных на не-словесность.

Несловесные мыслительные акты: язык тела, молчание, внутренняя речь, внутренний опыт — стали интересовать как особый знаково-символический и intersubъективный язык, природа которого отличается смысловой многозначностью, глубиной содержания, неформальными и неоднозначными способами трансляции. В глазах рационально-ориентированного сознания такие качества несловесного языка оцениваются как его недостаток. Но между тем именно качественность и нематематизируемость обеспечивают возможность выражать самые «тонкие» смыслы, которые могут быть при определенных обстоятельствах недоступны вербальному языку. Ныне в самых разных сферах познания растет понимание того, что успешная трансляция знаний предполагает не одни только рациональные средства, но и может строиться на основе телесных способов передачи знаний. Идеология несловесности строится на отказе от нормативной стратегии, на другой тактике, понимание которой может быть достигнуто на основе концепта «внутренний опыт», на таком круге понятий, как субъективное восприятие, взаимосогласованный опыт, структуры совместного существования, единое смысловое пространство и др.

Наше понимание вопроса о путях познавательных возможностей человека существенно продвинется, если мы обратимся к проблемам внутренней жизни человека, к практическим структурам сознания и тем телесным формам передачи знания, которые лежат в основании института наставничества и передачи традиции.

Всю названную проблематику внутреннего опыта мы относим к сфере несловесности, расширяя тем самым исходное представление до коллективных его форм. В этом случае термин «несловесность» характеризует уже не «бессилие» найти соответствующие слова, не сам факт их прямого отсутствия, а более сложные когнитивные акты.

Нуждается в осознании та роль, которую несловесные мыслительные акты играют в передаче знаний, в понимании того, что истина может быть открыта внутреннему взору — субъективным ментальным состояниям, — еще до своей артикуляции. Такое знание, принадлежащее к сфере «ума и очей сердечных», долго относили к категории, несопоставимо более низкой, чем «ум и очи мысленные».

В споре натурфилософов античной Греции мы сталкиваемся с тем влиянием, которое оказывала существующая система предпочтений, на смысл тех или иных понятий. Анализ характера такого влияния поможет вскрыть истоки тех предубеждений, повлиявших на формирование представлений о чувственных компонентах сознания и знания.

Для античного рационализма высшей ценностью являлся логос, или «очи разума», в то время как докса была отнесена к «неразумному», «не-чистому» мышлению. Данная историческая оценка вызывает интерес прежде всего с точки зрения тех аргументов, которые использовались для обоснования мысли о «неразумности» доксы. Из дошедших до нас отрывков сочинений античных авторов³ следует, что если логос открывают подлинную реальность, то «докса» искажает истину.

Аргументация о том, что «чистому» противостоит «не-чистое», «законнорожденное — «не-законнорожденному», построена на мысли о том, что одному приписывается статус положительного явления, а другому присваивается симметрично-отрицательный знак.

Присмотримся более внимательно к такому рода способу аргументации. Во-первых, противопоставление, которое, будучи построено на «голом» отрицании, т.е. с помощью отрицательной частицы «не», фактически имеет чисто внешний, формальный характер.

Задаваясь далее вопросом о том, каковы требования к внутреннему обоснованию, мы убеждаемся в том, что к числу главных условий реализации последнего принадлежит сравнение объектов по природообразующим модусам. Между тем следует признать, что исследование не всегда выполняет данное методологическое требование. В некоторых случаях, напротив, классификация строится на основе ценностных представлений. Таким именно был ход мысли античных мыслителей. Мы видим, что познание доксы строилось не на основании ее собственных, внутренних свойств, а исходя из формального

признака: мысль об изначальной асимметричности двух компонент сознания привела к тому, что перцепции стали наделять не какими-то конкретными чертами, а приписывать свойства анти-логоса.

Но чтобы прийти к такому пониманию опытного знания, познанию нужно было еще преодолеть исторический путь, путь освобождения от догм рационалистической критики опытного знания.

Согласно такому взгляду, логос открыт, прямолинеен, познание протекает в пределах заданной системы абстракций и понятий, что тем самым исключает вариативность и в конечном итоге предопределяет возможность единственной истины. Отсюда и соответствующий образ реальности — жестко организованной конструкции, которая подчиняется соответствующим законам.

Сформировавшиеся в рамках античного рационализма приоритеты — «здесь» и «сейчас» — стали диктовать, каков должен быть ценностный вес и ценностная мера всех других вещей. Именно исходя из возникшей системы предпочтений, основанной на высоких оценках логоса (вполне справедливых самих по себе), сформировалось негативистское, а не субстанциально-ориентированное отношение к перцептивным структурам сознания. В итоге сам по себе положительный феномен (докса) был приравнен к отрицательному (не-разумный).

Такой взгляд и способ обоснования перцепций надолго закрепился в истории познания: отсюда тянутся нити к последующей недооценке самых разных несловесных мыслительных актов — языка жестов, паралингвистической и экстралингвистической системы знаков, молчания, внутренней речи, внутреннего опыта и др.

Рационалистически ориентированная познавательная стратегия, опирающаяся на понятия и законы, стремится понять «что» есть некий объект; логос выдвигает процедуру обоснования на первое место, поиски истины — родов и видов — предопределены жесткими правилами, регламентом, а действия протекают по инструкции.

Перцептивные акты, наоборот, репрезентируют разного рода желания, намерения, оценки, текущий опыт и др., и поэтому обоснование здесь разворачивается по иному канону. Для опытного знания характерно непосредственное видение вещей, где существенную значимость приобретает знание смыслового контекста, в котором находится изучаемый объект, важность прошлой и текущей информации. Непосредственная связь со всем строем жизни, погруженность в практику жизни обуславливает такие важные качества несловесности, как конкретность и импульсивность. Будучи спонтанными по способу своего происхождения, несловесные мыслительные акты в значительной мере независимы от предваряющих объяснительных

процедур, от «отдаленных» причин-оснований. Их в большей степени интересует привходящее, а знание родов и видов. В итоге опыт приобретает «личный», индивидуальный характер, что позволяет вырабатывать и отслеживать «пошаговую» тактику. Отсюда «обреченность» перцепций на «поштучное» существование.

Но если субъект-объектная слитность альтернативна регламентирующим процедурам логоса, то какие силы оказываются движущими на пути к более «тонкому» и точному освоению реальности? В самом деле, на чем основаны познавательные процедуры, предполагающие «опытность» субъекта?

Прежде всего здесь речь идет о познавательных *усилиях* субъекта, о его активности. Одних лишь общих знаний оказывается здесь недостаточно. Поэтому субъект вынужден *выстраивать и организовывать* свою собственную ситуативную тактику, основанную на знании самых разных деталей. Такой опыт, построенный на практическом интеллекте, развивает умудренность⁴.

Опыту в итоге стали придавать иной смысл: это уже не один только эксперимент или «испытание» объекта с целью обнаружения объективных законов; не сводится опыт и к различию между чувственным восприятием и понятийным мышлением. Ориентированный на предметную, чувственно воспринимаемую действительность, практический интеллект значительно тяготеет к ее фотографическому воспроизведению. На этой основе формируется пласт конкретно-практической семантики. При переходе к конкретно-содержательному рассмотрению ситуации естественным образом начинают говорить на языке конкретного описания. Практические действия описываются через такие элементы описания, как «событие», «ситуация», «альтернатива», «изменение» и др., в том числе эпистемические события, интенциональные события, эмоциональные события.

В практическом рассуждении обязательно используется посылка цели, а выводится нормативно-оценочное суждение. Вхождение окружающих понятий в состав практического рассуждения во многом сблизило практическое мышление с вне логическими структурами сознания. В таком взгляде на природу практического рассуждения на переднем плане оказывается нормативный характер акта, где посылка цели рассматривается как субъективная норма, посылка средства как техническая норма, а следствие предстает в виде нормативной рекомендации к действию⁵.

Практическое рассуждение служит для обоснования намерений субъекта изменить что-либо в своем окружении. Ожидания, воспоминания, эмоциональные и рациональные оценки рассматриваются

как актуализации в определенной сфере фрагментов этих структур⁶. Характерные для прагматического контекста добавочные смыслы, или коннотации, обусловлены бесконечно сложными, избыточными структурами, включающими как собственно понятийное содержание, так и запас лингвистической и экстралингвистической информации. Существенны также представления о коммуникативно-ситуационных компонентах, в которых представлены намерения субъекта по отношению к адресату; эмотивная компонента, характеризующая отношение к субъекту — положительное или отрицательное (эти отношения погружены в глубины семантического ядра, спаяны с семантикой); когнитивная компонента, связанная с денотативной направленностью и основанная на знании о мире и непреложных истинах, на всеобщих и вечных представлениях о мире — добре (зле, красоте и др.), уродстве, чистоте и пр.; идеологическая компонента выражает знания и истины, навязанные, внушенные и пропагандируемые в конкретном социуме.

Существенные результаты о многослойном содержании прагматической информации были получены на основе коммуникативного анализа. Было выделено, по крайней мере, три аспекта прагматической информации: отношение к действительности, к содержанию беседы и, наконец, к адресату⁷. Именно опытно-осязательная природа данных актов предопределила возможность реконструкции «тонких» смыслов, недоступных порой вербальному языку. Умение выбрать образец, по которому далее субъект будет действовать, М.Шелер приравнивает к «категории» всех случайных фактов будущего опыта⁸.

Из сказанного вытекает, что философия познания существенно обогатила свой понятийный аппарат в результате расширения представлений о практическом знании, как таком знании, которое соединяет человека с реальным миром, где существенное место занимают телесные формы знания, построенные на «умении», основанные на гибких стратегиях, на способности к «гибким» действиям и спонтанным решениям.

Существенно, что умудренность покоится на разного рода умениях и навыках. Говоря о структуре такой деятельности, прежде всего бросается в глаза отказ от нормативной стратегии и использование пошаговой тактики, умение оценивать окружающий смысловой контекст. Существенным здесь оказывается мир повседневной жизни. Навык, с точки зрения М.Мерло-Понти, коренится не в мышлении и не в объективном теле, а в теле как посреднике мира. С точки зрения философа, обоснование понятия «навык» лежит вовсе не на пути анализа процедура мышления и понимания, а связан с необходимостью переосмысления концепта «понимающее тело»⁹.

В языке перцепций представлено движение мысли особого рода, которую условно можно назвать «телесной мыслью». Попытки провести границу между «логической» и «телесной» мыслью является теоретическим актом: ведь две разновидности мысли слитны, «спаяны», их нельзя физически, пространственно отделить друг от друга, они принадлежат одному и тому же мыслительному процессу. И тем не менее, пытаясь провести такое разграничение, мы имеем в виду следующее. Полагаем, что «телесная мысль» обладает совсем другими свойствами: она предметно ориентирована, перцептивна, спорадична, ее появление зависит от окружения, часто бывает эмоциональной и не последовательной; она может появляться и без предварительного участия логоса, использует образы, интуицию, воображение и т.д. И.А. Герасимова развивает представление об особом классе невербальных явлений, названных мыслей — энергией. Это, по мнению автора, «невербальное осязающее ритмо-мышление», чувствительность к ощущениям внутренних ритмов объекта¹⁰. Сказанное об особенностях телесной мысли дает основание для сомнений в безоговорочности тезиса о чисто логической природе мыслительных актов. Мыслительные акты не всегда следует ассоциировать, таким образом, с одними лишь рациональными процедурами. Если цель последних в том, чтобы придать мысли строгую достоверность и логическую организованность, то «телесная мысль ориентирована на практическую связь с жизненным миром.

О новом повороте к проблематике «телесных умений» можно судить по стремлению пересмотреть прогнозы в системе образования. Необходимость такого пересмотра вызвана новым взглядом на пути интенсификации труда. Ранее на основе прогнозирования научно-технического развития такой путь связывали лишь с экстенсивным продвижением новых технологий. Ныне начинает осознаваться необходимость и внекомпьютерной инструментальной базы труда, и соответствующей кадровой политики в сфере образования.

Обратимся в указанной связи к одному проекту, в котором обсуждается идея о растущем понимании значимости внекомпьютерных средств освоения реальности.

В самых разных научно-практических сферах приходят к пониманию того, что успешная трансляция знаний предполагает не одни только рациональные средства, но и строится на основе телесных способов передачи, на разного рода умениях, сформированных в телесном опыте.

Специальные исследования были проведены в рамках шведского проекта «Образование — Труд — Техника». Проведенный анализ шведского проекта показал, что современное научное сознание вносит уточнение в понимание, во-первых, границ новых технологий и, во-вторых, опытного знания в контексте практического сознания.

Стало очевидно, что ожидания, связанные с использованием компьютерной техники, не оправдали себя в целом ряде научно-практических сфер. Такие исследования были проведены в лесном хозяйстве, в медицине, в сфере производства хирургических инструментов¹¹. Обратим внимание на итоговые выводы метеорологов, которые показали, что «внутренняя картина погоды¹², которую они составляют на основе личного опыта, точнее, нежели полученная с помощью новой техники¹³. По мнению хирургов, качество их работы в большей степени зависит от навыков врача как ремесленника». По мнению этих специалистов, компьютеризация ведет к потере именно тех смыслов, которые зависят от навыков работы с предметом, которые даются интуицией, связаны с «телесным опытом» в широком смысле слова. Этот опыт уникален и не поддается формализации. Такие знания получают обычно опытным путем от мастера переходят к подмастерью при личном контакте. Этот вывод распространяется и на случай реставрации художественных произведений¹⁴.

Поиски идентичности: идея единого смыслового пространства

Итак, предшествующий анализ показал возможность расширения познавательных способностей на основе умений и навыков. Структура такого рода познавательной деятельности строится на оценке окружающего смыслового контекста, на использовании пошаговой тактики. А это значит, что «идеология» умений и навыков альтернативна рационализму, основанному на нормативной стратегии. Внеэрациональное содержание принципов, на которых покоятся несловесные способы трансляции знаний, получает свою реконструкцию, в частности, на таком круге понятий, как субъективный характер восприятия, способность к «гибким» действиям и спонтанным решениям, взаимосогласованный опыт Я и другого и др.

Помимо названного пути расширения познавательных способностей существует еще одна линия, анализ которой мы попытаемся далее провести. Речь пойдет о разных способах (моделях) генерализации знаний. Любая модель генерализации ориентирована на поиски идентичного смыслового пространства в рамках имеющегося разнообразия. Существенно, что стремление преодолеть альтернатив-

ность и изменчивость окружающей реальности принадлежит к числу главных природных склонностей человеческого разума. В силу этого уже у истоков познания мы сталкиваемся с попытками ассимиляции, с постижением принципов организации бытия и познания. Поиски незыблемого фундамента для исходного разнообразия означают рождение теоретического отношения к миру.

Опыт развития знания и познания свидетельствует о том, что интерес к идее ассимиляции многообразия на основе единых базисных структур проявляли мыслители самых разных направлений. Это обстоятельство предопределило не одну, а разные линии развития названной идеи.

Рационализм, как известно, базируется на фундаменталистской модели генерализации. Обоснование единства многообразия явлений здесь строится, исходя из представлений о «едином корне», об общих семенах — началах. Существует целый корпус литературы, в котором подробно проанализирован смысл «корневого» начала, позволяющего выделять неизменные и непреходящие смыслы. Поскольку в нашу задачу входит раскрытие иных, внерациональных линий расширения познавательных способностей, главное внимание далее будет сосредоточено на антифундаменталистской стратегии генерализации: будучи антитезой рационализму, последняя построена на отрицании идеи порождения многого из общих семян-начал. Заметим сразу, что сложность исторической судьбы данной модели, которая была разработана еще в античности Сократом, была предопределена всеохватывающим господством рационализма: феномен несловесности оказался в итоге отодвинут на обочину познавательных интересов.

В модели антифундаментализма идея генерализации получает развитие на основе концепта о «причастности» к эйдосу. Быть «причастным» — значит иметь сходство с эйдосом, видеть в нем образец, некую конструктивную цель.

Будучи образцом, эйдос также позволяет достигать родства. Однако эйдетическое родство по функциональному назначению сходно с идеалом и противоположно, таким образом, единообразию, тождеству. Последние, как мы помним, достигаются с помощью неукоснительного «правила» фундаментализма.

По своей смысловой организации эйдос нестрог, логически неоднозначен, носит открытый, расплывчатый характер. Поэтому, оказываясь эйдетически сходным, предмет никак не совпадает с идеалом: на этом пути достигается лишь известное сходство, без потери исходной индивидуальности. А это значит, что смысл сходства, основанного на принципе «причастности» к образцу — эйдосу, прямо

противоположен рациональной законосообразности, которая предписывает конкретно «как» и «что» субъект должен делать, не является прямым тождеством.

Итак, по смысловой конструкции и по выполняемой роли эйдос сходен с идеалом, продвижение к которому не имеет ни жестко фиксированного содержания, ни однозначных шагов продвижения к цели. Согласно Канту, внутреннюю осмысленность, основательность нашим представлениям придают, предельные познавательные способности, связанные с трансцендентным. Существенно, что у трансцендентных идей разума нет коррелятов в действительности. В них есть свет, но нет целесообразности, нет расчета, которые присущи конкретно-практической идее. Кант выступает против онтологизации идей разума, против возможности прямого «укоренения» идеала в практике жизни. Нечто мыслится так, как если бы оно существовало на самом деле. Вот эта-то фиктивная конструкция и создает «необходимую максиму разума». Идеальные порождения разума, по Канту, имеют не конститутивное, а регулятивное применение. Это значит, что в них не раскрываются характеристики сущего самого по себе. Трансцендентальные идеи придают деятельности разума необходимый мотив и конечные ориентиры. Полагая такие идеалы, «разум занимается только самим собой и не может иметь никакого иного занятия»¹⁵.

Идеал задает направление мысли, служит ориентиром, но его нельзя наделять каким-то техническим, прагматически-орудийным значением. Другими словами, регулятивный смысл Идеала нельзя трактовать как продвижение к конкретной цели. Идеальная цель, как разъясняет Кант, представляет собой усмотрение идеальных сущностей мира, человеческих ценностей, и пребывает она как бы за границами пространства и времени. В своем функциональном проявлении Идеал обнаруживает себя в том, чтобы наделять значением и смыслом научно-практическую деятельность субъекта. Именно в такой форме Идеал соучаствует в детерминации опыта. В любой сфере своей деятельности человек руководствуется высшими ценностями, идеал как бы проникает в ткань действий и поступков. Поясняя эту мысль, Кант говорит о том, что идеалы обладают практической силой (как регулятивные принципы) и лежат в основе возможности совершенства определенных поступков¹⁶.

Существенна смысловая многозначность идеала, его открытость и незавершенность значений. Привнесение новых смысловых аспектов происходит при сохранении идейного ядра в целокупности; идеал переосмысливается, но не может быть подвергнут трансфор-

мации, тем более радикальной. Такое качество обеспечивает идеалу статус трансвременной человеческой ценности, принадлежность к миру вечных идей.

Существенно, что разные способов восхождения к идеалу связаны не только с возможностями субъекта. Есть также и внутренние истоки разнообразия, идущие от самого идеала — от неограниченного смыслового разнообразия, спектра присущих ему качеств, выражающих *смысловую открытость*.

Итак, идея расширения познавательных способностей реализуется как через собственно смысловую открытость эйдоса, так и через возможность разных путей продвижения к эйдосу-идеалу. Ведь к каждому «Я» эйдос повернут какой-то своей эйдетически желанной стороной. Сошлемся здесь на мысль Канта о том, что идеалы обладают практической силой и лежат в основе определенных поступков¹⁷. Каждый субъект может продвигаться к идеалу индивидуальным путем, опорой чему служат идеи, близкие его и сердцу.

Между тем «укоренение» идеала, его субъективная трактовка — «погружение» идеала в обыденно-практическую жизнь — вовсе не безобидно для эйдетического смысла идеала. Действительно, прагматический контекст (культурные, нравственно-духовные ценности, знание о мире и непреложных истинах и др.) привносит добавочные смыслы, избыточные структуры, которые ведут к новой онтологии: свобода подменяется на жесткость, многообразие — на единство, эйдетическое предназначение (наделять предметы смыслом и значением) — на нормативность и т.д. Перерождение идеала состоит в том, что духовное строение превращается в «сущее», в субъективно окрашенное «правило», в котором надсубъективные, трансцендентальные смыслы представлены лишь в какой-то частичной, «осколочной» форме, тем самым нарушающие тонкое духовное содержание, трансцендентальную сущность идеала.

Эйдетическое родство Я и другого рождается через совместный духовный опыт, через практику со-осмысления, со-переживания, через формирование аутентичного смыслового пространства¹⁸. Наше последующее обращение к некоторым особенностям конструктивной работы сознания позволит, надеемся, понять процессы формирования единого смыслового пространства, появление определенной глубины совместного духовного опыта.

Суть проблемы в том, что общение, обмен информацией не всегда ведут к появлению совместного духовного опыта. В самом деле, в одном случае обмен сообщениями приводит к взаимному пониманию, когда адресат принял посланную информацию (мысль), не толь-

ко уловил смысл намерений и ожиданий адресанта, но и вслед за этим адекватноотреагировал на принятое сообщение. В другом случае такого понимания не оказалось. И не произошло этого прежде всего потому, что духовные миры Я и другого оказались разобщены, не возникло сложного интерсубъективного взаимодействия.

Последнее возможно при условии, что посланное сообщение (мысль) претерпевает акт конституирования — мысль адресанта, со всеми содержащимися в ней интенциями, становится «моей» лишь в том случае, если я уловила (извлекла) и разделила (всем сердцем и душой) посланную информацию.

Таким образом, со-осмысление достигается за счет особых умственных усилий, которые предпринимают взаимодействующие «Я и другой». Вот почему никто не может думать за другого, вот отчего «нельзя жить «чужим умом», как утверждает народная мудрость. Другими словами, процесс извлечения смысла не является простым обменно-информационным процессом. Обменяться можно мыслью, но еще не смыслом, который имеет эта мысль. Со смысловой точки зрения мысль сама по себе продолжает оставаться нейтральной до тех пор, пока не вступают в силу конструктивные способности сознания. Мысль наполняется, точнее, нагружается тем или иным смыслом (процесс осмысления) при условии, если субъект сам пытается преодолеть путь постижения смысла вещи. Это преодоление пути есть работа, связанная с анализом мысли или поступка, с их осмыслением происходит за счет конструктивной работы сознания. Постигаемый, понятый смысл вырастает, таким образом, из познавательных усилий субъекта, из активизации его рефлексивных возможностей.

Вот этот пройденный путь осмысления — путь «вживания» смысла в мой внутренний смысловой строй, мною назван субъективизацией смысла. Осмысление носит сугубо индивидуальный характер и является также индивидуацией смысла.

Итак, акты индивидуации и субъективации протекают в рамках определенных смысловых связей; эти рамки суть границы смыслового пространства. Если не соблюдаются главные условия: мысль оказывается вне пределов смыслового пространства, субъект не делает усилий над постижением смысла — то мысль останется абстрактной, т.е. не нагруженной смыслом. Смысл, таким образом, «силою берется» и желанием, — это еще одно условие.

Познавательные усилия субъект выстраивает сам, и преодолевает этот путь также сам, шаг за шагом. опираясь на прошлый и текущий опыт, на рациональные и вне-рациональные мыслительные акты.

Весьма существенна и роль сложного коммуникативно-прагматического комплекса, в котором запечатлены элементы предшествующего опыта человека.

«Я-сознание» взаимодействует как с наличной ситуацией («здесь» и «теперь»), так и с опосредованными информационными потоками. Чтобы результаты по осмыслению Я и другого совпали, оказались взаимосогласованными, нужно пройти путь, пережить опыт. Значит, субъективация смысла имеет опытную, точнее практическую природу. Опыт самопознания обеспечивает превращение абстрактной информации в осмысленное знание. Вне этой процедуры посланное сообщение может оказаться не понятым. Осмысленное знание оказывается знанием, которое получено индивидуально в рефлексивном опыте.

Итак, стратегия, основанная на несловесных мыслительных актах, наделена всеми теми смыслами, которые противоположны жесткости, логической однозначности, непротиворечивости и т.п. Реализующий себя через индивидуальность, многомерность, подвижность, неопределенность и т.п. мир не-словесности открывает возможность расширения познавательных способностей.

Несловесное мышление вызревает как в коммуникативном опыте общения Я и другого, так и в глубинных слоях сознания (внутренняя речь, внутренняя жизнь). Стремясь к пониманию пути, которые преодолевает мысль в процессах продвижения к более глубоким смыслам, мы приближаемся к познанию природы сознания.

Примечания

- ¹ Исторические типы научной рациональности: В 2 т. М., 1998.
- ² **Швырев В.С.** Рациональность в спектре ее возможностей // Исторические типы рациональности. М., 1995.
- ³ См.: **Лурье С.Я.** Демокрит. Л., 1970. С. 226–227.
- ⁴ **Жоль К.К.** Язык как практическое сознание (филос. анализ). Киев, 1990; **Воронин А.А.** Подходы к исследованию сознания // Филос. исслед. 1995. № 2.
- ⁵ **Raz I.** Practical reasoning. Oxford (UP), 1978.
- ⁶ **Ишмуратов А.Т.** Логический анализ практических рассуждений. Киев, 1987. С. 4.
- ⁷ **Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д.** Метафора в семантическом представлении эмоции // Вопр. языкознания. 1993. С. 8.
- ⁸ **Шелер М.** Формы знания и образование // **Шелер М.** Избр. произведения. М., 1994. С. 31–32.
- ⁹ **Мерло-Понти М.** Восприятие. М., 1998.
- ¹⁰ **Герасимова И.А.** Природа живого и чувственный опыт // Вопр. философии. 1997. № 6.
- ¹¹ Computer as a Tool. Ed. by Bo Goranson et al. Studentlitteratur, 1983.
- ¹² Knowledge, Skill and Artificial Intelligence /Ed. Goranson Bo. & Ingela Josefson. L., 1988.
- ¹³ The Inner Picture /Ed. by Bo by Goranson. Carlssons, 1988.
- ¹⁴ Knowledge, Skill and Artificial Intelligence /Ed. Goranson Bo. & Ingela Josefson. L., 1988.
- ¹⁵ Ibid. С. 557.
- ¹⁶ **Кант И.** Критика чистого разума. М., 1994. С. 345.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ **Абрамова Н.Т.** Несловесное мышление. М., 2002. **Выготский Л.С.** Исторический смысл психологического кризиса // **Выготский Л.С.** Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М., 1981.